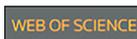

Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект) / А. Н. Смолина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 134—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152.

Smolina, A. N. (2021). Model for Describing of Speech Genre “Spiritual Essay”: Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect). *Nauchnyi dialog*, 10: 134-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152

Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)

Смолина Анджелла Николаевна
orcid.org/0000-0003-0947-3763
кандидат филологических наук, доцент
angelic2009@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики»

Model for Describing of Speech Genre “Spiritual Essay”: Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect)

Andzhella N. Smolina
orcid.org/0000-0003-0947-3763
PhD in Philology, Associate Professor
angelic2009@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44099 “Development methods and models for the analysis of religious texts as one of the ways of theolinguistics development”

© Смолина А. Н., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена параметрическая модель описания функционирующего в церковно-религиозном стиле речевого жанра «эссе», которое именуется *духовным* на основе его интенциональных, тематико-содержательных, элокутивных и иных особенностей. Автор предлагает использовать при анализе эссе, обладающего духовным (религиозно-христианским) содержанием, такие параметры: адресат, адресант, духовно-религиозные интенции автора, духовно-религиозная тематическая основа содержания, композиция, аргументация, используемые христианские образы, тактики и стратегии, репрезентативные лингвостилистические средства, интертекстуальное наполнение. На материале текста «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), показана реализация данной модели. Духовное эссе определяется как жанр церковно-религиозного стиля: создаваемый священнослужителем и адресованный представителю христианской культуры текст-рефлексия, отражающий личные переживания и впечатления автора. В завершающей части работы утверждается: духовное эссе реализуется как самостоятельный жанр и становится элементом структуры иного жанра, например, письма, дневника и др., то есть воплощается как интражанр. Для исследования привлекается сборник духовных эссе архимандрита Саввы (Мажуко) «Любовь и пустота». Сопоставительный анализ призван точно и убедительно показать специфику духовного эссе.

Ключевые слова:

теолингвистика; речевой жанр; эссе; духовное эссе; духовно-религиозные интенции; религионим.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A parametric model for describing the “essay” speech genre functioning in the church-religious style, which is called *spiritual* on the basis of its intentional, thematic-content, illocutionary and other features, is presented. The author suggests using the following parameters in the analysis of an essay with spiritual (religious-Christian) content: addressee, addressee, spiritual and religious intentions of the author, spiritual and religious thematic basis of content, composition, argumentation, used Christian images, tactics and strategies, representative linguistic stylistic means, intertextual content. The implementation of this model is shown on the basis of the text «“The effect of proximity” in history and everyday life» written by Archimandrite Makarii (Veretennikov). A spiritual essay is defined as a genre of a church-religious style: a text-reflection created by a clergyman and addressed to a representative of Christian culture, reflecting the personal experiences and impressions of the author. In the final part of the work, it is stated: the spiritual essay is realized as an independent genre and becomes an element of the structure of another genre, for example, writing, diary, etc., that is, it is embodied as an intragenre. The collection of spiritual essays by Archimandrite Savva (Mazuko) “Love and Emptiness” is used for research. The comparative analysis is designed to accurately and convincingly show the specifics of a spiritual essay.

Key words:

theolinguistics; speech genre; essay; spiritual essay; spiritual and religious intentions; religiononym.

Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)

© Смолина А. Н., 2021

1. Введение

Эссе — жанровая форма, отличающаяся такими признаками, как «малая форма, исходный тезис, его разработка и итоговое умозаключение» [Мильруд и др., 2020, с. 256], и представляющая собой развернутое письменное высказывание «с описанием, повествованием или рассуждением» [Там же] — активно изучается российскими филологами. Внимание исследователей направляется на особенности данного жанра (композиционные, лингвостилистические, риторические), его типы, способы обучения созданию текстов в форме эссе, а также на специфику оценки эссе как задания для учащихся.

Остановим внимание на нескольких современных исследованиях. В работе Р. П. Мильруда и И. Р. Максимовой отмечается, что специфическим признаком эссе «можно считать развитие авторского тезиса в цепи логически построенных суждений» [Там же, с. 255]. Кроме того, указывается на то, что «как методический прием эссе является сложно построенным предметом обучения» и овладение этой формой требует обеспеченности необходимым запасом слов, грамматических и пунктуационных навыков, развития интеллектуальных функций, высокого уровня критического мышления и логики [Там же]. Авторы также обращают внимание на проблемы оценивания эссе как задания, надежности оценки, четкости структуры требований, при этом указывая: «жестко заданная структура эссе повышает надежность экспертной оценки» [Там же, с. 270]; «сбалансированный подход к анализу эссе означает комплексную оценку коммуникативного содержания, языковой механики и формата развернутого письменного высказывания учащихся, где в центре внимания находится логически организованное содержание» [Там же, с. 271]. Проблемы обучения созданию текстов в жанре «эссе» давно интересуют и зарубежных ученых. Так, К. Хайленд отмечал, что трудности, с которыми сталкиваются студенты при написании текстов, связаны с непониманием того, как они организуются, и, чтобы обучить их созданию текстов, нужно познакомить учащихся с риторическими структурами, в частности — со структурами аргументативного эссе. Говоря об этом, исследователь рас-

сма­три­ва­ет ко­мпози­ци­он­ное по­стро­е­ние эссе, пред­ла­га­ет стра­те­гии обу­че­ния, ука­зы­ва­ет на не­об­хо­ди­мость при­об­ре­те­ния уча­щи­ми­ся спе­ци­аль­ных лин­гви­сти­че­ских зна­ний [Hyland, 1990]. А. Л. Дмит­ро­в­ский, рас­суж­дая о воз­ник­но­ве­нии и раз­ви­тии жан­ра, его су­щ­но­сти, при­хо­дит к сле­ду­ю­щим вы­во­дам: жанр «эссе» в евро­пей­ской тра­ди­ции «вос­хо­дит к би­блей­ской “Кни­ге Ек­кле­зи­а­ста” и берет от­ту­да не толь­ко эле­мен­ты фор­мы, но и со­дер­жа­тель­ную, мо­ти­ва­ци­он­ную, так ска­зать, фи­ло­со­ф­скую ус­та­нов­ку» [Дмит­ро­в­ский, 2013, с. 47]; «не­смот­ря на все мно­го­об­ра­зие внеш­них форм, эссе ... мало из­ме­ни­лось за сто­ле­тия сво­е­го су­щ­е­с­тво­ва­ния ... это го­во­рит о на­ли­чии в нем не­ко­е­го “сте­р­ж­ня”», уде­р­жи­ва­ю­ще­го ... еди­н­ство струк­ту­ры жан­ра. <...> Этот сте­р­жень — со­дер­жа­ние. А со­дер­жа­ние эссе — лич­ность ав­то­ра. <...> Это не фик­са­ция зна­чи­мых со­бы­тий, как в днев­ни­ке; это не рас­ска­з о сво­ей жи­зни, мыс­лях и по­ступ­ках, как в ав­то­био­гра­фии; это не по­кая­ние, как в ис­по­ве­ди. Это эк­зи­стен­ци­аль­но ок­ра­шен­ные впе­чат­ле­ния и раз­мыс­ле­ния ав­то­ра — ре­зуль­тат лич­но­ст­но­го са­мо­ана­ли­за в си­ту­а­ции про­бле­мы, вы­бо­ра» [Там же, с. 48]; важ­ней­ший жан­ро­об­ра­зу­ю­щий эле­мент эссе — *жи­з­нен­ность* («связь ме­жду ... бы­ти­ем лич­но­сти и от­ра­же­нием ее пере­жи­ва­ний в эссе») [Там же, с. 48]. Крат­кое опре­де­ле­ние, дан­ное жан­ру «эссе» А. Л. Дмит­ро­в­ским, звучит так: «про­из­ве­де­ние, от­ра­жа­ю­щее эк­зи­стен­ци­аль­ную ре­ф­лек­сию ав­то­ра» [Там же, с. 49]. Л. Г. Кай­да, го­во­ря о спе­ци­фике эссе в художественной словесности и публицистике и обра­щаясь к це­лям его ав­то­ра, пи­шет: «Важ­нее всего для ав­то­ра — за­тро­нуть соз­на­ние чи­та­те­ля, за­ста­вить за­гля­нуть в са­мо­го се­бя и са­мо­му осмыс­лить важ­ную про­бле­му “я и мир” во всех ее воз­мож­ных ва­ри­ан­тах» [Кай­да, 2008, с. 23]. Е. В. Бу­заль­ская, соз­да­вая ти­по­ло­гию рус­ско­го эссе, ука­зы­ва­ет на то, что оно «вк­лю­ча­ет 26 ус­той­чи­вых мо­де­лей, из них пу­бли­ци­сти­че­ское эссе име­ет 10 ус­той­чи­вых мо­де­лей; художественное — 5; на­уч­но-пу­бли­ци­сти­че­ское эссе — 11 ... од­ной из наи­бо­лее рас­про­страненных мо­де­лей ре­а­ли­за­ции яв­ля­ет­ся пу­бли­ци­сти­че­ское эссе, яв­ля­ю­ще­е­ся ре­ф­лек­сией ав­то­ра от­но­ситель­но кон­цеп­та-фрей­ма ... стра­те­гиче­ски на­прав­лен­ное на ин­тер­пре­та­цию фак­та куль­ту­ры» [Бу­заль­ская, 2016, с. 12]. К важ­ным вы­во­дам, сде­лан­ным ис­сле­до­ва­те­лем, от­но­сят­ся та­кие: «для эссе воз­мож­на ре­а­ли­за­ция трех ти­пов стра­те­гий: ин­тер­пре­та­ции, убе­жде­ния, транс­ля­ции фраг­мен­та КМ» (КМ — кар­тина ми­ра) [Там же, с. 294]; о на­ци­о­наль­но-спе­ци­фиче­ских тен­ден­циях ре­а­ли­за­ции эссе го­во­рится: «рус­ские на­уч­но-пу­бли­ци­сти­че­ские эссе ори­ен­ти­ро­ва­ны на ин­тер­пре­та­цию фак­тов, цен­три­ро­ван­ную на ге­штальт-струк­ту­ре при на­ли­чии сце­нар­ной и фрей­мо­вой ин­тер­пре­та­ции ... рус­ское пу­бли­ци­сти­че­ское эссе име­ет сце­нар­ные ва­ри­ан­ты ре­а­ли­за­ции всех стра­те­гий; рус­ское художественное эссе не име­ет фрейм-струк­тур, стра­те­гиче­ски пред­став­лен­ных убе­жде­ни-

ем и интерпретацией; частым является использование гештальт-структур в соединении со стратегией трансляции; отсутствуют эссе, основанные на гештальте, стратегически реализованном как убеждение» [Там же, с. 295—296]. Специфика эссе как особой жанровой формы также затрагивается в работах Н. Н. Козновой, А. Н. Тепляшиной, Г. В. Кукуевой и других авторов [Кознова, 2011; Тепляшина, 2013; Кукуева, 2015].

2. Методология

Исследование выполнено в русле теолингвистики и отвечает основным тенденциям ее изысканий: изучение взаимосвязи языка и религии [Постовалова, 2019, с. 37] и проявлений религии, «которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский, 2018, с. 18]. Разработка модели описания религиозного жанра, презентация принципов работы с ней на примере конкретного текста, определение круга приемов и процедур, обеспечивающих эффективное изучение религиозного произведения, представленные в настоящей работе, хорошо коррелируют с постановкой проблем исследователями, ведущими изыскания в области теолингвистики. Е. Е. Анисимовой (исходя из отдельных положений работы И. В. Бугаевой «Теолингвистика: теология + лингвистика?») к числу таких проблем относятся: «описание языка религиозной коммуникации, генология религиозных текстов, терминология теолингвистики, язык ... проповедей, вопросы перевода религиозных текстов, язык Библии и библеизмы, язык молитвы, религиозная лексика и лексикография» [Анисимова, 2019, с. 11—12]. Автор обращает внимание и на стилистику религиозных текстов, язык церковных документов, проблемы типологизации религиозного дискурса и образа человека в религиозном дискурсе. В представляемой работе религиозное произведение изучается с помощью приемов и процедур, используемых в стилистике, жанроведении, риторике и с опорой на заданные теолингвистикой направления изучения языка. Применяются лингвостилистический метод, направленный «на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами» [Комарова, 2016, с. 612], описательный метод, представленный такими приемами, как наблюдение, обобщение и интерпретация. При рассмотрении «реализации жанровой картины» [Bizio, 2016, s. 70] духовного эссе используется метод жанрового моделирования. Кроме того, применяются отдельные приемы интертекстуального анализа, в частности предложенные лингвистом В. П. Москвиным: выявление инотекстовых вкраплений, прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат, определение фигуры, вводящей инотекстему, функций выявленных фигур, определение типа прецедентного текста [Москвин, 2015, с. 118].

3. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры

В настоящее время сформировалась особая сфера научных изысканий, в фокусе которой находится разработка моделей описания речевых жанров. Мы остановим внимание на тех трудах, которые дали в свое время начало целому ряду исследований этой направленности. Одной из самых востребованных стала работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 2013]. В ней, в частности, представлены мысли о том, что «использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) ... эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических сфер языка, но прежде всего своим композиционным построением» [Бахтин, 2013, с. 250]. Указанные М. М. Бахтиным компоненты *тематическое содержание, стиль* и *композиционное построение* зачастую становятся основой анализа различных речевых жанров. Многие лингвисты обращаются к модели речевого жанра Т. В. Шмелевой: коммуникативная цель, автор, адресат, предшествующий и последующий эпизоды общения, диктумное содержание, языковое воплощение [Шмелева, 1997, с. 98]. Важно отметить и модель описания жанров, разработанную Н. Б. Лебедевой: автор (*кто?*); адресат (*кому?*); знак — диктумно-модусное содержание (*что?*); орудие и средство (*чем?*); субстрат — материальный носитель знака (*на чем?*); место расположения знака — носитель субстрата (*в чем?, на чем?*); цель — (*зачем?*); графико-пространственный параметр знака (*как?*); среда коммуникации (*где?*); коммуникативное время ... интервал между созданием ... знака и его восприятием (*когда?*); ход коммуникации; социальная оценка [Лебедева, 2001, с. 7]. Эта модель используется при анализе жанров естественной письменной речи.

При анализе речевых жанров, функционирующих в церковно-религиозном стиле, необходимо обращать внимание на идейно-тематическую основу, интенции, образы, лексику и фразеологию, элокутивы, обусловленные религиозно-христианским учением. Именно они определяют отличия текстов церковно-религиозного стиля от текстов, сферой функционирования которых являются иные стили. Ранее нами уже представлялись модели жанровых форм речевых произведений с религиозным содержанием (в статье «Духовное письмо-беседа: жанрово-стилистические особенности» [Смолина, 2019] и др.). Можно сказать о том, что ряд параметров модели описания жанров религиозной сферы применим для анализа разных религиозных текстов, также можно отметить, что целесообразно

создание инвариантной модели, которая могла бы использоваться при работе с религиозными текстами, имеющими что-то общее, например, такими, в которых присутствует аргументация. Однако в рамках данной статьи будет представлена модель, дающая возможность эффективно анализировать духовные произведения эссеистского свойства. Обозначим ее параметры: 1) адресат, 2) адресант, 3) духовно-религиозные интенции автора, 4) духовно-религиозная тематическая основа содержания, 5) композиция, 6) аргументация, 7) используемые христианские образы, 8) тактики и стратегии, 9) репрезентативные лингвостилистические средства, 10) интертекстуальное наполнение. Первые два параметра традиционно используются в современной лингвистике при работе с текстами различных функциональных стилей. Третий параметр целесообразно применять при описании жанровых форм, направленных на убеждение, воспитание, содержащих обмен мнениями по религиозным вопросам, авторскую рефлексию, связанную с духовной жизнью человека, рассказ о событиях в жизни Церкви и других. Четвертый параметр можно использовать при анализе житийных, литургических, проповеднических текстов (всех текстов, в которых присутствует проповедь веры в той или иной форме) и иных; этот параметр можно использовать весьма широко. Пятый параметр традиционен, однако обращение к нему при анализе речевого жанра «духовное эссе» позволяет успешно показать особенности изучаемых в данном исследовании текстов. Шестой параметр можно использовать при анализе всех аргументативных текстов и, несомненно, исследуемого нами эссе — произведения, в котором аргументация играет ключевую роль. Седьмой параметр следует включать в работу при анализе духовных писем, духовных дневников и автобиографий, воспоминаний духовного характера, проповедей, житий, акафистов, духовных травелогов, духовных бесед. Восьмой параметр актуален (хоть и факультативен) при анализе духовных текстов, содержащих в себе убеждение. Применение девятого параметра позволяет представить специфику жанров церковно-религиозного стиля весьма убедительно в том случае, если внимание будет сосредоточено на функционирующих в текстах религионимах, на содержащих религионимы элокутивах. Десятый параметр важен для работы с речевыми жанрами «духовное эссе», «духовный дневник», «духовные воспоминания», «житие» и рядом других, поскольку выявление интертекстуальных элементов в религиозных произведениях обычно обнаруживает направленность адресантов текстов в большей степени на христианские произведения (библейские и иные), что позволяет фиксировать внимание на значимых отличиях анализируемых жанров.

4. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: реализация

Использование разработанной модели на практике позволит выявить основные черты исследуемого речевого жанра, представить его образ. В данной статье внимание сосредоточено на произведении, которое с учетом его содержательной, композиционной, лингвостилистической специфики можно отнести к речевому жанру «духовное эссе». Далее на материале произведения «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), предлагаем показать специфику работы с моделью, рассмотреть воплощение жанра эссе в церковно-религиозном стиле, выявить его отличительные черты.

Автором исследуемого духовного эссе является священнослужитель Русской Православной Церкви, представитель монашеского духовенства. Здесь отметим: авторами духовных (церковно-религиозных) текстов в подавляющем большинстве случаев являются священнослужители: монашеские (иеромонахи, игумены, архимандриты и др.) и немонашеские (диаконы, протоиереи и др.). Определяется это прежде всего тем, что реализовывать замыслы, которые связаны с церковно-религиозным содержанием, людям, не принадлежащим к церковной культуре, не имеющим духовного образования, достаточно сложно. Авторство при анализе текстов религиозно-христианского характера становится значимым параметром, поскольку может использоваться как одно из оснований отнесения произведения к духовным. Большая часть произведений, создаваемых священнослужителями (как показывает практика изучения письменной культуры православия), являются духовными по сути, в том числе и в тех случаях, когда мы имеем дело с личными письмами. Важно сказать, что, будучи людьми церковно-религиозной культуры, писатели-священнослужители обладают особым мировоззрением, основание которого составляют теоцентризм (принцип, согласно которому «Бог выступает в качестве истока бытия» [Душин, 2005]), христоцентризм (принцип, «принимающий центральность Христа как в космосе и истории, так и в онтологических основах бытия» [Бондарева, 2011, с. 17]), эсхатологизм (отношение к миру, связанное с представлениями о конечных судьбах мира и человека, бытия после земной жизни), провиденциализм (понимание происходящих событий как действия Промысла Божия), сотериологизм (представление о том, что главная цель человека — это спасение души). Итак, автор духовного эссе — священнослужитель, человек, обладающий особым религиозно-христианским мировоззрением.

Адресатом произведения «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), являются близкие православной культуре читатели журнала «Альфа и

Омега» — культурно-просветительского издания, ставящего одной из целей разъяснение основ православного учения. Рассматриваемый текст Макария (Веретенникова) был опубликован в журнале в 2006 году (№ 46). Отметим, что создающие духовные эссе церковные писатели всегда ориентируются на людей, принадлежащих христианской культуре (в том числе и тех, кто не является церковным человеком, но интересуется вопросами, которые ставятся в христианстве). В качестве примера мы можем, в частности, назвать тексты, написанные архимандритом Саввой (Мажуко) и вошедшие в книгу «Любовь и пустота» (2020 год). Их адресатом также является человек христианской культуры либо начинающий к ней приобщаться или интересоваться ей. Адресатом духовных эссеистских текстов протоиерея Валентина Свенцицкого также выступают христиане, это становится очевидным с первых же строк: *Впервые величайший смысл свободы был возведен миру Иисусом Христом («Стойте в свободе!»); В дни моей недавней ранней юности, когда я переживал период атеистического отрицания, во мне всегда сохранялось какое-то особенное чувство к этим двум словам: воистину воскрес! («Воистину воскрес!»).* Итак, адресат духовного эссе — человек, которому не чужда христианская культура (как церковный, так и нецерковный).

Духовно-религиозные интенции автора весьма разнообразны. Однако все они, так или иначе, связаны с донесением до адресата сути христианского вероучения, его роли в жизни людей: разъяснение учения Иисуса Христа; выражение мнения по вопросам обретения добродетелей, жизни по заповедям, нравственного и духовного совершенствования, миссионерской деятельности, внутрицерковной жизни, истории и современного состояния Церкви; толкование трудов церковных писателей. Одна из духовных интенций исследуемого текста связана с желанием автора привести читателей к размышлению о сущности христианской любви, показывая, что ею не является: *«Обостренное» чувство «справедливости» толкает нас на действия, не имеющие ничего общего с христианской любовью и потому не приносящие успеха и пользы.*

Духовно-религиозная тематическая основа содержания изучаемого жанрового явления уникальна тем, что круг ее ядерных, наиболее значимых в ценностном отношении, а также с позиций рассмотрения основ нравственного развития человека тем связан с восходящими к Евангелию духовными и нравственными постулатами, важными для христиан аксиологическими ориентирами. В анализируемом произведении одной из значимых является тема христианской любви. Для убедительности мысли, высказанной об особенностях содержания, указания на широту охвата тематики исследуемых текстов, можно обратиться к сборнику эссе

архимандрита Саввы (Мажуко) «Любовь и пустота», обозначив темы ряда текстов. В сборнике звучат темы молитвы, святости, христианского понимания красоты, борьбы с грехом, достижения спасения души, христианского подвижничества, воцерковления, христианкой аскезы, церковности, христианской любви, духовничества, единения верующих, библейской истории, богословия имени, монашества, церковной общины, христианских добродетелей, христианского понимания счастья, постничества, церковных песнопений, церковных праздников, духовного становления, служения Богу, надежды на Бога, веры и неверия, воспитания в себе любви к ближним, сострадания, важности покаяния, благодарности людям и Богу, стыда, совести, Великого поста, благочестия и другие.

Композиция духовного эссе, как и любого другого, включает в себя проблемный вопрос (или же несколько вопросов), утверждение, аргументацию (аргументов может быть несколько, причем они могут быть разными по своим свойствам), вывод(-ы) или побуждение к тому, чтобы читатель сделал вывод. Обычно в эссе присутствует особый зачин, содержащий вступление в тему; основная часть, в которой разворачивается аргументация (тезис и доказательство); концовка, которая может содержать выводы, обобщения, призывы, вопрошания (используются с целью заставить задуматься) и другие составляющие. В духовном эссе мы видим все указанные компоненты. Специфика же обусловлена присутствием компонентов с религиозным содержанием. Тем не менее следует сказать, что не все компоненты рассматриваемого жанра могут обладать христианским содержанием. Так, анализируемый нами текст начинается с вопроса, который может задать автор нецерковного текста: *Иногда возникает вопрос: почему отношения между самыми близкими людьми оставляют желать лучшего?* Однако все последующие составляющие, которые выводят на аргументацию, указывают на то, что текст можно относить к духовным: *Наглядный пример этому можно найти в Киево-Печерском Патерике, где говорится о Тите и Евагрии; Сложность взаимоотношений с ближними показана и в Евангелии. Убеждая в том, что отношения с ближними зачастую намного сложнее, чем с дальними (чужими) людьми, автор использует иллюстрации из библейских текстов. Например: Интересно отметить, что первыми в Вифлеем Иудейский к родившемуся Богомладенцу Христу пришли волхвы с востока (Мф. 2: 1), то есть иноземные мудрецы. Христа Спасителя руками римлян отправили на крестную смерть Его соплеменники, хотя в предшествующее время они хотели ... и сделать царем (Ин. 6: 15).* В завершающей части рассуждений автор пишет: *Но есть еще более высшая мудрость: увидел неладное — помолился.* Этими словами архимандрит Макарий (Веретенников) призывает: не осуждайте

других людей, а молитесь за них, что, конечно же, связано с интенциями разъяснения христианского вероучения, духовно-религиозного просвещения.

Аргументация, как уже было показано ранее, носит религиозный характер и обращает читателей к библейским текстам. Аргументы обращают читателей и к духовному опыту самого автора, а также к русской истории и литературе, часто — к житийным текстам, святоотеческим культурным источникам. Приведем примеры используемых архимандритом Макарием аргументов: 1) *Переходя к окружающей действительности, можно сказать, что всякая наша неприятность имеет первопричину в темной силе, а совершитель недостойного деяния — просто несчастный человек;* 2) *Можно привести интересный исторический пример. После Куликовской битвы в 1382 году последовало нашествие на Русь хана Тохтамыша, который разорил Москву. В летописях сохранилась повесть с описанием бедствия, постигшего стольный град. <...> Князь Димитрий Донской не выступил против хана, но и «не вышел ему навстречу с дарами, а бежал в недостижимые для татар заволжские края. <...> Ненависти «своих» опасался и Дмитрий Донской летом 1382 г. Сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского, старинного недруга и соперника Москвы, по приказу отца присоединились к войску Тохтамыша и ждали своего часа;* 3) *Говоря о духовной природе данной проблемы, вспоминаешь мысль Ф. Достоевского, что душа человека — это поле, где диавол борется с Богом за обладание душой и властвование над ней.* Часто в духовных эссе используется аргумент к авторитету (ссылка на «высказывание или поступок авторитетного лица либо текст авторитетного источника (Священного Писания, закона ... известного автора, специалистов)» [Волков, 2013а, с. 183]). Кроме того, востребованным становится сравнительный аргумент («обоснование положения посредством сопоставления данных, смысл или строение которых неизвестны, с данными, которые признаются достоверными и понятными, при этом очевидность общности или сходства рядов данных выступает как основание аргумента, а свойства известных данных — как одна из посылок» [Волков, 2013а, с. 176]). Помимо этого, применяется аргумент к совести (обоснование положения путем апелляции к суждению совести ... указывает, каким именно должно быть это совестное суждение» [Волков, 2013а, с. 194]). Наблюдается использование аргументов к реальности («аргументы, посылки которых содержат апелляцию к принудительной силе обстоятельств, побуждающей принять решение об истинности и правильности положения» [Волков, 2013б, с. 289]). Весьма убедительными являются аргументы к реальности: *необходимо отметить ... следующее наблюдение. Должную оценку*

тем или иным событиями истории дают спустя определенное время, делая ее беспристрастно. Это понятно, так как хорошее лучше видится издалека. Использование в качестве доказательства примера также обладает высоким потенциалом с точки зрения убедительности, поэтому в эссе примеры выступают как один из основных способов аргументации. Архимандрит Макарий (Веретенников), использует, в частности, такой пример: *Можно привести исторический пример, относящийся к XVIII веку и свидетельствующий о плачевном завершении отношений некогда близких людей. Душевное общение царя Алексея Михайловича и его “собинного” друга, Патриарха Никона, первоначально может быть охарактеризовано как идеал личных отношений ... Но в отличие от предшествующего времени, когда на Первосвященительском престоле был Патриарх Филарет, а на царском — его сын Михаил, ситуация при его сыне, Алексии Михайловиче, не будучи скрепленной родственными узами, завершилась трагично в отечественной истории: по царской инициативе некогда желанный Глава Церкви был осужден соборно и сослан в заточение.*

Используемые христианские образы отличают духовное эссе как особую жанровую форму. Конечно же, эти образы могут встречаться и в иных воплощениях жанра эссе (библейские образы Божиего сада в Эдеме, Ноева ковчега, Вавилонской башни, Земли обетованной, дома, построенного на камне, обладают культуросносными смыслами и высоким стилистическим потенциалом, несут в себе множество ассоциативных приращений). Однако следует сказать, что в жанре «духовное эссе» христианские образы составляют основу круга образов, авторы в большей степени используют именно их. В произведении Макария (Веретенникова) важную роль играют образы Иисуса Христа, Тита и Евагрия, благодарного самарянина, иерусалимского правителя Седекии, милосердного самарянина, волхвов. Приведем пример: ***Христос** на пути в Иерусалим вошел в некую весь на границе между Самариею и Галилею, где Его встретило десять прокаженных мужей. Видя их мольне, Господь исцелил их. Един же от них, видев, яко изцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая: и той бе **самарянин**. Отвещав же, Иисус рече: Не десять ли очистишася; да девять где? (Лк. 17: 15—17).* Таким образом, только «иноплеменник» пришел выразить **Христу Спасителю** благодарность. Тексты других авторов, например, духовные эссе архимандрита Саввы (Мажуко), также показывают нам представленность христианских образов. Важное текстообразующее значение в произведениях архимандрита Саввы приобретают образы Иисуса Христа, апостола Петра, апостола Павла, пророка Илии, святого Беды Достопочтенного (672—735), преподобного Сергия Радонежского (ок. 1314—1392) и других.

Обратимся к примеру: *Святой Илия несет совершенно исключительную миссию в священной истории. Он — грозный обличитель нечестивого царя Ахава, он же — собеседник Спасителя на горе Фавор, и он же, согласно пророчествам, мученик последних времен, ревнитель веры и истины, которому надлежит быть умерщвленным антихристом. Разве это судьба человека: стать участником истории Церкви в глубокой ветхозаветной древности, беседовать со Христом и увидеть последний эпизод нашей истории?* Христианские образы, представленные в жанре «духовное эссе», — эмблематичная текстовая составляющая, создающая специфику стиля этого вида эссеистского произведения, несущая в себе очень важную смысловую нагрузку, дающая автору возможность передать свои мысли в яркой, художественно насыщенной и понятной форме.

Тактики и стратегии. Основная стратегия, используемая в духовном эссе, — убеждение. Отличием ее использования является сущность и аксиологическая направленность: убеждают авторы в истинности основ христианского учения, необходимости соблюдения заповедей, верности выводов, сделанных христианскими подвижниками на основе своего личного духовного опыта, выводов, сделанных авторами на базе изучения религиозной литературы и анализа различных жизненных ситуаций. Тактики, которые при этом могут использоваться, — сопоставительного анализа, иллюстрирования, указания на перспективу, разъяснения, аргументированной оценки. При применении тактики сопоставительного анализа могут сопоставляться линии поведения людей (оказавшихся в одной ситуации героев литературных произведений (обычно — текстов с христианским содержанием) или исторических событий, знакомых писателю личностей). Так, в анализируемом нами тексте автор сопоставляет особенности поведения в сходной ситуации русского князя Дмитрия Донского и иерусалимского правителя Седекии. Сопоставление должно послужить обоснованию мысли о том, что люди часто претерпевают страдания из-за близких людей, не получают от них необходимых помощи и благодарности. Особенности тактики иллюстрирования связаны с использованием по преимуществу примеров из текстов Библии, житий, святоотеческой литературы. В духовном эссе архимандрита Макария (Веретенникова) мы видим примеры из Евангелия, книги пророка Иеремии, Киево-Печерского патерика. Тактика указания на перспективу обычно включает направление на принятие решений, связанных с духовной жизнью адресата текста. Архимандрит Макарий настраивает, «видя какие-то козни от своих ближних», молиться за них. Тактика разъяснения, используемая в духовном письме, специфична тем, что обычно разъяснением сопровождаются тексты (а также отдельные их части) Ветхого и Нового Заветов, житий свя-

тых, святоотеческой литературы; разъясняются вероучительные истины, духовные смыслы происходящих событий, поступков отдельных людей. Особенность тактики аргументированной оценки заключается в том, что все оценки даются с опорой на христианское понимание происходящего в мире и в жизни отдельного человека, на тексты Библии, работы церковных писателей. В оценке отсутствует так называемое личное мнение, вернее сказать, — *исключительно* личное мнение. В духовном эссе мнение автора полностью соотносится с истинами Евангелия. Иногда эта оценка включает в себя отрезок текста христианского содержания, то есть оценка дается буквально словами Евангелия или иного религиозного произведения христианской культуры: *в силу своей греховности мы хорошо видим в глазу ближнего даже сучок (Мф. 7: 3)*.

Репрезентативными лингвостилистическими средствами, отличающими духовное эссе от иных текстов, написанных в жанре эссе, являются прежде всего религионимы (теонимы, агеоантропонимы, библионимы, экклезионимы, христианские геортонимы, языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания и другие). В исследуемом нами произведении встречаются теонимы: *Когда Христос Спаситель однажды пришел во отечестве Свое (Мф. 13: 54), то соотечественники, знавшие Его родственников, блаженяхуся о Нем. Иисус же рече им: Нетъ пророк без чести, токмо во отечестве своем и в дому своем (Мф. 13: 57)*; экклезионимы (наименования местностей, названных в честь святых и иных религиозных деятелей, мест совершения таинств и обрядов, мест религиозного поклонения): *Христос на пути в Иерусалим вошел в некую весъ на границе между Самариею и Галилеєю*; языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *в силу своей греховности мы хорошо видим в глазу ближнего даже сучок (Мф. 7: 3)*; наименования ангелов: *Человеческие нестроения навеяны отнюдь не Ангелом-хранителем*; наименования евангельских героев: *Христос рассказал ему притчу о милосердном самарянине, с которым иудеи не сообщаются*; наименования ветхозаветных героев: *Аналогию русским событиям исследователь Н. Борисов усматривает в книге пророка Иеремии*. Религионимы создают особый стиль духовного эссе, участвуют в смыслообразовании, усиливают образность, могут служить созданию эмоциональности. Из средств, характерных для всех текстов, написанных в жанре эссе, в исследуемой форме встречаются глаголы речи и мысли, восприятия (а также их атрибутивные формы и образованные от них существительные): *Переходя к окружающей действительности, можно сказать; Говоря же об истории, необходимо отметить также*

следующее наблюдение; ...нужно, чтобы прошло время, необходимое для верного **понимания и осмысления событий**. Помимо того, часто встречаются причинно-следственные, целевые, условные, уступительные и другие подчинительные союзы: **Поэтому в истории нужно, чтобы прошло время, необходимое для верного понимания и осмысления событий, чтобы перестал работать эффект близости; если бы мы больше молились, то меньше бы было зла вокруг нас**. Наблюдается и использование вводных слов и сочетаний: **Кроме того, бывают такие внутренние состояния, когда один человек целыми днями мысленно спорит со своим близким человеком**. Синтаксические особенности духовного эссе, как и иных эссеистских текстов связаны с использованием предложений, осложненных определительными и обстоятельственными оборотами (особую роль здесь играют конструкции с причастными и деепричастными оборотами): **Иерусалимский правитель Седекия, посаженный на престол Иудеи вавилонским царем Навуходоносором, отказался повиноваться своему прежнему покровителю; Седекия не отдает себя на милость Навуходоносора, опасаясь своих соотечественников, которые уже перешли на службу к халдеям**. Помимо этого, синтаксические особенности проявляются в весьма активном применении сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, а также предложений с разными видами связи. Большое значение с точки зрения смыслообразования, убеждения (особенно в части представления аргументов), построения текста имеют сложноподчиненные предложения: **После Куликовской битвы в 1382 году последовало нашествие на Русь хана Тохтамыша, который разорил Москву**.

Интертекстуальное наполнение выделено как отдельный параметр, поскольку оно играет определяющую роль в смыслообразовании, зачастую становится основой аргументации, базой убеждения, утверждения авторской точки зрения, формирует стилистическое своеобразие, зачастую являясь стержнем выражения мнения по тому или иному религиозно-христианскому вопросу. Обычным является использование цитат из Евангелия и иных текстов Библии, а также трудов церковных писателей прошлого и современности. Например: **Седекия более всего боится не чужих, а своих: ...да не предадут мя (халдее) в руке их, и поругаются ми (Иер. 38: 19)**. Основная функция цитаты — аргументативная, однако она выполняет также эстетическую и синдикативную функции. О синдикативной функции важно сказать, что ее особенность связана с духовным сближением автора и адресата, прежде всего, потому что авторы, обращаясь к тем или иным отрезкам значимых религиозных текстов, надеются на

то, что текст будет узан, принят как общий для всех христиан, понятный и ценный.

5. Заключение

Проведенный анализ произведения, написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), позволяет сказать: основаниями для отнесения исследованного текста к жанру эссе являются такие признаки, как малая форма, выдвижение тезиса, который аргументируется в ходе изложения с предъявлением различных доводов, представленность повествования и рассуждения, выражение авторских впечатлений, отражение собственных переживаний, рефлексия по поводу представленных автором событий, постановка проблемы перед читателем, анализ фактов. Духовным данное эссе позволяют назвать такие признаки: религиозно-христианское мировоззрение автора; адресованность читателям, близким христианской культуре; наличие религиозных интенций; развитие тем, связанных с восходящими к Евангелию духовными и нравственными постулатами, важными для христиан ценностями; присутствие в композиции компонентов религиозного характера; аргументация, обращающая читателей к христианским культурным источникам; использование христианских образов; христианская аксиологическая направленность тактико-стратегических комплексов; использование теонимов, библионимов, экклезионимов и других единиц, входящих в комплекс слов религиозной культуры русского языка.

Подводя итоги, остановим внимание на сущности рассматриваемого явления. Духовное эссе — жанр церковно-религиозного стиля: создаваемый священнослужителем и адресованный представителю христианской культуры текст-рефлексия, отражающий личные переживания и впечатления автора. Основными чертами жанра являются: репрезентация интенций, связанных с донесением до адресата сути христианского вероучения; включенность в композицию элементов с христианским содержанием; аргументация, основанная на религиозно-христианских источниках (прежде всего — текстах Библии, житий, трудах христианских богословов); использование христианских образов библейского или агиографического происхождения; доминирование стратегии убеждения, направляющей адресата к христианской системе ценностей; использование репрезентирующих церковно-религиозное мировоззрение лингвостилистических средств — религионимов; наличие интертекстуальных связей с библейскими и иными культурно значимыми текстами христианства. Обращение к духовному наследию русских церковных писателей показывает: духовное эссе может реализовываться как самостоятельный жанр, а также функционировать

как компонент иного жанра. В частности, эссеистские составляющие характерны для духовных дневников (преподобного Никона Оптинского (Беляева), праведного Иоанна Кронштадтского (Сергиева), протоиерея Александра (Шмемана) и др.), биографий и биографических заметок (митрополита Вениамина (Федченкова), священника Сергея Петровского, епископа Арсения (Жадановского) и др.) и воспоминаний (архимандрита Иова (Гумерова), протоиерея Николая (Голубцова), протоиерея Олега (Стеняева) и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс : функциональный и антропологический аспекты / Е. Е. Анисимова. — Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. — 240 с. — ISBN 978-5-00120-058-1.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Книга по требованию, 2013. — 444 с. — ISBN 978-5-458-23202-9.
3. *Бондарева Я. В.* Теоретико-методологические основы русской религиозной философии : историко-философский анализ : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 09.00.03 / Я. В. Бондарева. — Москва, 2011. — 51 с.
4. *Бузальская Е. В.* Типология русского эссе (лингвокогнитивный аспект) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Бузальская. — Санкт-Петербург, 2016. — 411 с.
5. *Волков А. А.* Курс русской риторики / А. А. Волков. — Изд. 3-е, исправленное и дополненное. — Москва : Русская панорама ; Кафедра, 2013а. — 416 с. — ISBN 978-5-93165-316-7.
6. *Волков А. А.* Теория риторической аргументации / А. А. Волков. — 2-е издание, испр. и доп. — Москва : Добросвет ; КДУ, 2013б. — 374 с. — ISBN 978-5-98227-836-4.
7. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 17—28. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2>.
8. *Душин О. Э.* История культуры. Культура европейского Средневековья / О. Э. Душин. — Санкт-Петербург : СПбГУВК, 2005. — 93 с.
9. *Кайда Л. Г.* Эссе как жанр в литературе и публицистике / Л. Г. Кайда // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2008. — № 4. — С. 19—24.
10. *Кознова Н. Н.* Жанр эссе в мемуарах писателей / Н. Н. Кознова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 8 (233). — С. 74—78.
11. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 820 с.
12. *Кукуева Г. В.* Лингвопрагматическая модель речевого жанра эссе в интернет-коммуникации / Г. В. Кукуева // Филология // Филология и человек. — 2015. — № 3. — С. 29—37.
13. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. — 2001. — № 1—2. — С. 4—10.
14. *Мильруд Р. П.* Эссе как жанр, прием обучения и инструмент педагогического измерения / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Язык и культура. — 2020. — № 49. — С. 255—275. — DOI: [10.17223/19996195/49/17](https://doi.org/10.17223/19996195/49/17).

15. Москвин В. П. Методика интертекстуального анализа / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 3 (98). — С. 116—121.
16. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки и направления / В. И. Постовалова // Хрестоматия теолингвистики : сборник статей. — Ульяновск : Мастер Студия, 2019. — Т. 2. — С. 36—47. ISBN 978-5-6041747-4-6.
17. Смолина, А. Н. Духовное письмо-беседа : жанрово-стилистические особенности / А. Н. Смолина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 9 (142). — С. 144—152.
18. Тепляшина А. Н. Художественно-эстетический эффект современной газетной публицистики / А. Н. Тепляшина // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2013. — № 3. — С. 266—274.
19. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — Выпуск 1. — С. 88—98.
20. Bizior R. Obraz Boga Ojca w kazaniach 2 połowy XIX w. A kontekst kulturowy / R. Bizior // Język — Szkoła — Religia. — 2016. — Т. 11. — № 3. — С. 70—84.
21. Hyland K. A Genre Description of the Argumentative Essay / K. Hyland // RELC Journal. — 1990. — Vol. 21. — Issue 1. — Pp. 66—78.

REFERENCES

- Anisimova, E. E. (2019). *Religious discourse: functional and anthropological aspects*. Moscow: FGBOU V MGLU. 240 p. ISBN 978-5-00120-058-1. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2013). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Book on Demand. 444 p. ISBN 978-5-458-23202-9. (In Russ.).
- Bizior, R. (2016). Obraz Boga Ojca w kazaniach 2 połowy XIX w. a kontekst kulturowy. *Język — Szkoła — Religia, 11 (3)*: 70—84. (In Pol.).
- Bondareva, Ya. V. (2011). *Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 51 p. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2016). *Typology of the Russian essay (linguocognitive aspect)*. Doct. Diss. St. Petersburg. 411 p. (In Russ.).
- Dushin, O. E. (2005). *History of culture. Culture of the European Middle Ages*. Saint-Petersburg. 93 p. (In Russ.).
- Gadomsky, A. K. (2018). Lexicographic description of the terminology of the theolinguistics (on the example of the Russian and Polish languages). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 17 (1)*: 17—28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2> 8. (In Russ.).
- Hyland, K. (1990). A Genre Description of the Argumentative Essay. *RELC Journal, 21 (1)*: 66—78.
- Kaida, L. G. (2008). Essay as a genre in literature and journalism. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism, 4*: 19—24. (In Russ.).
- Komarova, Z. I. (2016). *Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics*. Moscow: FLINT: Nauka. 820 p. (In Russ.).
- Koznova, N. N. (2011). The genre of essays in the memoirs of writers. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 8 (233)*: 74—78. (In Russ.).

- Kukueva, G. V. (2015). Linguopragmatic model of the speech genre of essays in Internet communication. *Philology and man*, 3: 29—37. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B. (2001). Natural written Russian speech as an object of linguistic research. *Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University*, 1—2: 4—10. (In Russ.).
- Milrud, R. P., Maksimova, I. R. (2020). Essay as a genre, a method of teaching and a tool of pedagogical measurement. *Language and culture*, 49. 255—275. DOI: 10.17223/19996195/49/17. (In Russ.).
- Moskvin, V. P. (2015). Methodology of intertextual analysis. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (98): 116—121. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2019). Theolinguistics in modern humanitarian cognition: origins and directions. *Anthology of theolinguistics: collection of articles*, 2. Ulyanovsk: Master Studio. 36—47. ISBN 978-5-6041747-4-6. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech*, 1: 88—98. (In Russ.).
- Smolina, A. N. (2019). Spiritual writing-conversation: genre and stylistic features. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (142): 144—152. (In Russ.).
- Teplyashina, A. N. (2013). The artistic and aesthetic effect of modern newspaper journalism. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3: 266—274. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2013a). *Course of Russian rhetoric*. Moscow: Russian panorama; Department. 416 p. ISBN 978-5-93165-316-7. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2013b). *Theory of rhetorical argumentation*. Moscow: Dobrosvet, KDU Publishing House. 374 p. ISBN 978-5-98227-836-4. (In Russ.).